Глагольная морфология в памятнике марийской письменности «Начатки христианского учения...» (1839 / 1841)

Ключева Мария Аркадьевна,
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева,
Марийский государственный университет (Йошкар-Ола),
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); keymachine@yandex.ru

В статье рассматривается система спряжения глагола в памятнике марийской письменности «Начатки христианского учения...» (издан в Казани в 1841 г.). Среди ранних публикаций на марийском языке это один из самых объемных текстов, включающий Священную историю и Катехизис. Диалектная основа исследуемого текста — луговое наречие, при этом глагольная морфология (главным образом в формах множественного числа) значительно отличается от литературной нормы современной марийского (лугово-восточного) языка. В результате сопоставления с диалектологическими данными выявляется соответствие глагольной морфологии в памятнике системе спряжения в западных говорах лугового наречия (волжском, йошкар-олинском), которые оказались периферийными при формировании литературного лугово-восточного марийского языка в XX веке. (В основе глагольной морфологии последнего — моркинско-сернурский говор лугового наречия и говоры восточного наречия марийского языка.) При этом обнаруженные в памятнике и описанные в статье специфические глагольные формы западных говоров лугового наречия в значительной степени соответствуют системе спряжения в западных наречиях марийского языка (горном и северо-западном), в том числе литературной норме современного горномарийского языка. В целом, проведенный анализ глагольных форм (с предварительным учетом данных фонетики и лексики) позволяет определить «Начатки христианского учения...» (1839 / 1841) как важнейший ранний письменный памятник волжского говора лугового наречия и ценный источник по исторической диалектологии марийского языка.

Ключевые слова: финно-угорские языки, марийский язык, волжский говор марийского языка, памятники письменности, глагольная морфология, историческая диалектология

VERB MORPHOLOGY IN THE MONUMENT OF MARI WRITING “THE BEGINNINGS OF CHRISTIAN DOCTRINE...” (1839 / 1841)

Maria A. Klyucheva,
Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev,
Mari State University (Yoshkar-Ola),
Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow); keymachine@yandex.ru

The article deals with the verbal morphology in the monument of Mari writing “The Beginnings of Christian doctrine...” (published in Kazan in 1841). Among the earliest publications in the Mari language, this is one of the most voluminous texts, including Concise Sacred History and Catechism. The dialectal basis of the considered text is a Meadow dialect, at the same time the verbal morphology (mainly in the plural forms) differs significantly from the literary norm of the contemporary Mari (Meadow-Eastern) language. As a result of comparison with dialectological data, the correspondence of the verbal morphology in the monument to the conjugation in the western subdialects (Volga, Yoshkar-Ola) of the Meadow dialect is revealed. (These dialects turned out to be peripheral during the formation of the literary Meadow-Eastern Mari language in the 20th century. The verbal morphology of the literary language is based on the Morki-Sernur subdialect of the Meadow dialect and the Eastern dialect of the Mari language.) At the same time, the specific verb forms of Western subdialects of the Meadow dialect revealed in the monument and described in the article largely correlate with the conjugation in Western Mari dialects (Hill and North-Western), including the literary norm of the Hill Mari language. In general, the analysis of the verbal forms (with preliminary consideration of phonetic and vocabulary data) allows us to define the “The Beginnings of Christian Doctrine...” (1839 / 1841) as a most important early written monument of the Volga subdialect of the Meadow dialect and a valuable source on the historical dialectology of the Mari language.

Keywords: Finno-Ugric languages, Mari language, Volga dialect of the Mari language, written monuments, verbal morphology, historical dialectology

Одним из первых значительных памятников марийской письменности является книга «Начатки христианского учения или Краткая священная история и краткий катихизисъ, на черемиский языкъ лугового нарѣчія переведенные въ Казани 1839 года», изданная в 1841 г. в типографии Казанского университета. Она включает три части: *Кючикъ святой каласэмашъ* 'Краткая священная история' (с. 1—97), *Кючикъ тыниктэмашъ юмо веремъ (нергѣнь)* 'Сокращенный катихизисъ' (с. 98—141), *Тыниктэмашъ у-тэнѣшь нуриш марй-шамычъ-дѣкъ рушь вѣра веремъ (нергѣнь)* 'Поучение къ ново-крещеннымъ черемисамъ о вѣрѣ христианской' (с. 142—160), *Кючикъ молитва-шамычъ* 'Краткія молитвы' (с. 160—162). Марийский перевод на всем протяжении книги идет с параллельным русским текстом. Интерес представляет диалектная основа данного памятника письменности. Авторы стремились, чтобы их текст был понятен всем луговым черемисам, о чем свидетельствует предуведомление в начале книги: «Въ сей книжкѣ помѣщены въ строкахъ нѣкоторыя слова вдвойнѣ, т. е. на нарѣчій Казанскихъ и Вятскихъ Черемисъ; а потому при чтеніи оной Черемисамъ Вятской Губерніи должно читать слова, между знакомъ вмѣстительнымъ писанныя, а при чтеніи Черемисамъ Казанской Губерніи оныхъ употреблять не должно. Равнымъ образомъ при чтеніи Черемисамъ Царевококшайского уѣзда въ приходахъ: Азановскомъ, Акашевскомъ, Кузнецовскомъ, Цибикурскомъ и Нурминскомъ въ словахъ множественнаго числа, кончающихся на *шамычъ*, вмѣсто буквы *ч* надлежитъ употреблять букву *ц*. Напримѣръ: вмѣсто *паша-шамычъ дѣла эргэ-шамычимъ сыновъ*, должно читать: *паша-шамыцъ, эргэ-шамыцымъ*» [Начатки]²¹. Таким образом, авторы книги старались отразить разницу в лексике диалектов лугового наречия: волжского, йошкар-олинского и моркинского (в Казанской губернии) и сернурского и уржумского (в Уржумском уезде Вятской губернии), а также указали на цоканье, присущее йошкар-олинскому говору (в северо-западной части Царевококшайского уезда Казанской губернии).

Цель нашего исследования — выявить диалектную основу рассматриваемого памятника²². В качестве инструмента исследования и для удобства читателей нами был составлен и размещен в Интернете словарь исследуемого памятника в системе ЛингвоДок: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/418/3/perspective/418/4/view> [Ключева 2016]. В данной статье мы опишем особенности глагольной морфологии в «Начатках христианского учения...», оставив за ее рамками описание графики и фонетики, поскольку морфологические особенности памятников марийской письменности еще не получали системного описания, тем более с использованием возможностей платформы ЛингвоДок²³.

В завершение вводного раздела остановимся на вопросе **авторства марийского текста** изучаемого памятника.

Автор марийского перевода в книге не указан. В существующей литературе по истории марийского языка и письменности на основании косвенных данных высказывается предположение, что им мог быть священник с. Параты П. Вишневский или А. Канцеровский, учитель марийского языка в Казанской духовной семинарии [Эман 1939: 62; Иванов 1975: 23]. Алексей Канцеровский (даты жизни неизвестны, скончался не позднее 1875 г.) является автором «Краткого руководства к изучению черемисского языка по обоим (луговому и горному) наречиям». Этот рукописный памятник, написанный в Казани в 1858 г., остался неопубликованным и в настоящее время хранится в Архиве Санкт-Петербургского отделения РАН (Фонд III. Опись I. № 213), как сообщает об этом О. А. Сергеев, составивший его краткое описание [Сергеев 1994: 100—101]. А. Г. Канцеровский упоминается в записке Н. И. Ильминского от 1875 г. «Практические замечания о переводах и сочинениях на инородческих языках» в контексте положительного отзыва о книге А. А. Бобровникова «Грамматика монгольско-калмыцкого языка», изданной в Казани в 1849 г.: «Эту же книгу я давал прочесть покойному Алексею Гавриловичу Канцеровскому, который отлично говорил по-черемисски, но существа черемисского языка не понимал, написал черемисскую грамматику по системе русской грамматики Греча: прочитавши внимательно грамматику Бобровникова, он стал совсем иначе смотреть на черемисский язык» [Ильминский 2015: 150].

Паратский священник П. Вишневский, известный по другим источникам как Павел Иванович Вишневецкий (1812 или 1813 — 1869), — сын образованного священника Ивана Васильевича Коршунова, выпускник Казанской духовной семинарии, был рукоположен в священники церкви святого великому-

²¹ На этой странице книги номер отсутствует.

²² Ранее на эту тему был сделан доклад [Ключева 2017а].

²³ Чаще всего предметом исследования в работах, посвященных памятникам марийской письменности, становятся графика, орфография, лексика, см. из последних публикаций такого рода статьи [Эрцикова 2020: 6—13; Пекшеева, Федосеева 2020: 271—274; Ключева 2020: 98—113]. Вопросы морфологии (словообразовательные аффиксы имен и глаголов) затрагиваются в [Сергеев 2016: 81—84]. По фонетике памятников марийской письменности ранее нами были опубликованы статьи, посвященные первым марийским букварям лугового наречия [Ключева, Норманская 2015: 18—63; Ключева 2017б: 113—137].

ченика Дмитрия Солунского с. Новые Параты Казанского уезда Казанской губернии (ныне Волжский р-н Республики Марий Эл) 25 марта 1839 г. и служил там до конца жизни. Одним из больших его дел было строительство каменного храма вместо обветшавшего деревянного (1856—1860 гг.), в 1859 г. в с. Новые Параты им была открыта школа для крестьянских детей. По настоящее время в селе имеется чудом уцелевшая могильная плита с его надгробия [Димитриев 1998: 21—52; Ерошкин 2012: 162—164].

Если перевод книги «Начатки христианского учения» действительно сделан Вишневецким и/или Канцеровским, следует отметить, что это достаточно ранняя работа, ведь 1839 г. (время составления перевода) — лишь первый год жизни и работы священника П. Вишневецкого (Вишневецкого) в с. Новые Параты. И А. Канцеровский свою грамматику черемисского языка напишет значительно позже (в 1858 г.). Известно также, что в 1859 г. (т. е. спустя 20 лет после перевода «Начатков») в Казани была издана книга, которая является плодом совместного переводческого труда Вишневецкого и Канцеровского — «День святой жизни, или как мне прожить без грехов» («Святой ылышашлыкын кече, ала кузе малнем сулукдэ (языкдэ) идяш? Питер олам виктарен — ожношо митрополит Григоридэнэ возоктэн-иштэмо. Озан 1859 и-годом»). Причем в этой «книге имеется “предуведомление” точно такого же содержания, что и в “Начатках” издания 1841 года» [Эман 1939: 62]²⁴.

Создатели книги вряд ли были «природными черемисами» и составляли перевод, записывая его по фразам от своих марийских информантов²⁵. Оценивая в целом качество перевода «Краткого катехизиса» 1841 г., можно заметить, что слова (фонетика) и короткие предложения переданы достаточно точно, но в оформлении полипредикативных конструкций текст во многих случаях малопонятен, представляет собой пословную кальку с русского текста, часто явно не соответствует нормам марийской грамматики. Так, уже первое предложение книги понимается с трудом: *Иктэ Юмо Святой кумь шибргюштэ (на Вятском нарѣчии чуріиштэ) кумалэме ўло кўрумо, тўдо ўло: Тўдонь тынялмашь и мучашь ўкэ, Тўдо керекунамать ыле, ўло и лідешь* ‘Единь Богъ во Святой Троицѣ поклоняемый есть въчень, то есть, не имѣеть ни начала, ни конца своего бытія, но всегда был, есть и будеть’.

Несмотря на некоторые неудачи переводчиков, особенно в оформлении сложных предложений, в целом текст книги весьма информативен в плане исторической и диалектной фонетики, грамматики и лексикологии марийского языка, что и определило его выбор в качестве объекта нашего исследования.

Глагольная морфология

Прежде чем перейти к описанию глагольной морфологии в памятнике, представим сравнительную таблицу спряжения глаголов в говорах лугового наречия марийского языка: йошкар-олинском, волжском и моркинско-сернурском (= литер.), а также в северо-западном и горном наречии, включая мар. Г литературную норму. Предлагаемые таблицы составлены на материале справочной и диалектологической литературы, см. [Учаев 1991: 24—28; Саваткова 2002: 198—203, 185—189; Иванов, Тужаров 1970: 46—54, 148—170; Лаврентьев 1966: 271—282, 302—303; Иванов 1981: 40—43; Казанцев 1965; Грузов 1965; МСГМЯ 2012]²⁶. В них приводится парадигма спряжения глаголов в изъявительном (кроме составных форм прошедшего времени) и повелительном наклонении, включая отрицательные формы²⁷.

²⁴ К сожалению, данный памятник марийской письменности («День святой жизни» на луговом наречии, 1859 г.), по-видимому, утрачен. По крайней мере, нам не удалось его разыскать ни в каталогах библиотек, в которых есть фонды марийской дореволюционной книги, ни даже в библиографических указателях — см., например, [Иванов 1975: 248; Кутасова 1995]. (Имеется лишь «День святой жизни...» на горном наречии (издание 1858 г.), и этот памятник доступен для просмотра (в электронном формате) на сайте Российской национальной библиотеки.)

²⁵ Этим же методом пользовался Н. И. Ильминский: «Вот я собрался излагать рассказ из св. истории по-вотяцки. Со мной сидит вотяк... Я диктую своему вотяку по-русски, словами простыми и определенными, предложениями краткими. Говорю одно предложение, он перелагает его на свой родной язык — я пишу. Я говорю другое предложение, он говорит по-вотяцки — я пишу и т. д. Написавши таким образом несколько строк, некоторую, довольно цельную, часть повествования, я снова, в связи уже, перечитываю написанное своему сотруднику. Иногда отдельные предложения бывают построены удачно и правильно, но в общей сложности, во взаимной связи они кажутся нескладными... Сначала я настаиваю на ясности, на понятности. Потом добиваюсь того, чтобы наше изложение было складно: как сами инородцы складно рассказывают что-нибудь им известное, пусть будет так же складно, правильно по языку и наше писание» [Ильминский 1875: 12; Эман 1940: 125].

²⁶ В таблицах не в полной мере отражены особенности фонетики в глагольных окончаниях, т. к. на уровне морфологии они несущественны, а сведения в источниках по ним не систематичны. В частности, в таблицах не приводятся огубленные варианты гласных в окончаниях глаголов 2-го спр., связанные с лабиальной гармонией гласных:

— *ö* вместо *e* в настояще-будущем и 2-м прошедшем времени (во всех говорах лугового наречия и в северо-западном наречии);

В таблицах 1—3 выделены формы, в отношении которых западные говоры лугового наречия (волжский и йошкар-олинский) отличаются от моркинско-сернурского (центрального) говора и основанной на нем современной литературной нормы марийского лугово-восточного языка. Именно эти формы являются диагностическими и для диалектной атрибуции спряжения в исследуемом памятнике.

Из других глагольных форм значимыми для различения диалектов могли бы быть:

— инфинитив долженствования: литер. *-man* ~ волж. и йошк. *-mâla* ~ мар. Г *-mâla* (*-mälä*) ~ мар. СЗ *-man* [Иванов 1981: 43, 48; Лаврентьев 1966: 318; Саваткова 2002: 173—175; Иванов, Тужаров 1970: 147, 148];

— отрицательные формы желательного наклонения 3 л. мн. ч.: литер. *ânešt X* ~ волж. *ânež X-ep* ~ мар. Г *aneštā X-ep* ~ мар. СЗ *anešt(t) X* (NEG.OPT.3PL); литер. *ânešt X âl'e / ânešt X ulmaš* ~ волж. *ânež X-ep âl'e / ânež X-ep ulmaš* ~ мар. Г *aneštā X-ep âl'â* ~ мар. СЗ *anešt(t) X ŋl'ö / ânešt(t) X ūlmaš* (NEG.OPT.3PL) [Учаев 1991: 31; Лаврентьев 1966: 315—316; Саваткова 2002: 194—195; Иванов, Тужаров 1970: 161];

— составные формы прошедшего времени, которые строятся на основе форм настоящего и второго прошедшего времени (+ вспомогательный глагол *âl'e / ulmaš*), соответственно, диалектные различия внутри лугового наречия — в формах 3 л. мн. ч.: 1PST.3PL, NEG.PRS.3PL, NEG.2PST.3PL.

Но в тексте памятника они не встречаются²⁸.

В таблицах выделены формы, которые встречаются в памятнике и отличают западные говоры лугового наречия от моркинско-сернурского (= литер.): глаголы 3 л. мн. ч.: в изъявительном наклонении — форма 1PST.3PL и 3 отрицательные формы (NEG.PRS.3PL, NEG.1PST.3PL, NEG.2PST.3PL), в повелительном наклонении — NEG.IMP.3PL. И лишь одна форма касается 2 л. мн. ч. — IMP.2PL. При этом все данные формы обнаруживают полную или значительную близость говорам западного и горного наречий (правда, последние представлены в несколько иной фонетике).

В памятнике глагольные формы мн. ч. систематически соответствуют западной (волж., йошк.) системе спряжения.

А. Глаголы первого прошедшего (очевидного) времени (1PST.3PL) оформляются окончанием *-eže* (~ волж. и йошк. *-eže*, мар. Г и СЗ *-ežā*) вместо литер. (морк.-серн.) *-âč* (1 спр.) / *-âšt* (2 спр.), например: *коли́тэ́ве* '(по)слушали' ~ литер. *колыштыч, налэ́ве* 'взяли' ~ литер. *нальыч, тынялэ́ве* 'начали' ~ литер. *тўнальыч, шонэ́ве* '(по)думали' ~ литер. *шоньышт, илэ́ве, ы́лэ́ве* 'жили' ~ литер. *ильышт, люмдэ́ве* 'назвали' ~ литер. *лўмдышт, вурсэ́ве* 'ругали' ~ литер. *вурсышт* и т. д. Примеры таких форм очень многочисленны (свыше 50 глаголов обоих спряжений): *вучэ́ве* 'ждать-1PST.3PL', *видэ́ве* 'вести-1PST.3PL', *жаплэ́ве* 'жалеть-1PST.3PL', *илэ́ве* 'жить-1PST.3PL', *iodэ́ве* 'спросить-1PST.3PL', *iómdaré́ве* 'потерять-1PST.3PL', *ióratэ́ве* 'любить-1PST.3PL', *каласэ́ве* 'сказать-1PST.3PL', *каэ́ве* 'идти-1PST.3PL', *кодэ́ве* 'оставлять-1PST.3PL', *коли́тэ́ве (колышты́э́ве)* 'слушать-1PST.3PL', *кондэ́ве* 'приносить-1PST.3PL', *коштэ́ве* 'ходить-1PST.3PL', *кучэ́ве* 'хватать-1PST.3PL', *кютэ́ве* 'пасти-1PST.3PL', *людэ́ве* 'бояться-1PST.3PL', *людуктэ́ве* 'пугать-1PST.3PL',

— *ö, y* вместо *ы* в 2PST.3PL (в последнем слоге) в моркинско-сернурском говоре [МСГМЯ 2012: 157—158].

Не отражен переднеязычный огубленный *ɥ̥*, встречающийся после слога с таким же гласным в глагольных окончаниях в йошкар-олинском говоре и в подговорах волжского (в Красноярском, Исмеевском и Сидельниковском с/с Звениговского р-на РМЭ). Фонетика моркинско-сернурского говора представлена нормативно (= литер.), хотя в нем имеет место и лабиализация гласных в срединных слогах, и делабиализация гласного в абсолютном конце слова и т. п.

Не отражено в таблицах стяжение в речи сочетаний с йотом (особенно в глаголах мн. ч. настоящего-будущего времени и в глаголах ед. ч. 2-го прошедшего времени, преимущественно 1-го спр.), например: *ваишлит* 'встречают' (< *ваишийыт*) [МСГМЯ 2012: 152, 157]. Такое стяжение имеет место во всех диалектах.

В имеющихся диалектологических источниках не приводятся полные таблицы спряжения в йошкар-олинском говоре, указываются лишь специфические формы, а относительно остальных сообщается, что они соответствуют литературной норме [Иванов 1981: 40—43]. Таблицы по говору заполнены в соответствии с этой информацией.

Несколько неполны в источниках и сведения по северо-западному наречию. В частности, добавим к изложенному в таблице 1, что окончания глаголов 2-го прошедшего времени могут в говорах мар. СЗ совпадать с горномарийскими, судя по текстам в [Дмитриев, Дмитриева, Тужаров 1995].

²⁷ В таблицах материал дан в кириллице (как в большинстве источников) с единственным изменением: вместо буквы «э» диалектологических источников мы пишем «е» в соответствии с литературной нормой.

Для всех диалектов приведены данные по обоим спряжениям (через запятую). «X» означает основу глагола, а для 2-го спр. — основу + гласный *e, o, ö, y* или *ï* в соответствии с гармонией гласных в конкретном диалекте.

²⁸ Из малоупотребительных глагольных форм в памятнике встречаются формы прошедшего времени желательного наклонения, например, OPT.3SG: *тойне́же ы́ле* 'он хотел было спрятать' ~ литер. *тойне́же ы́ле*; OPT.3SG: *ка́йнэ́жть ы́ле* '(они) хотели было уйти'. Но в плане диалектологических различий эти формы не показательны (различия в диалектах не отмечены).

Таблица 1. Изъявительное наклонение

мар. Г (литер. Г, диал.)		мар. СЗ		люговое наречие		литер. (морк.-серн.)	
				вожж.			
				йощк.			
				нотостяще-будущее время			
PRS.1SG	-ам (-ӓм), -ем	-ам (-ӓм), -ем	-ам, -ем	-ам, -ем	-ам, -ем	-ам, -ем	-ам, -ем
PRS.2SG	-ат (-ӓт), -ет	-ат (-ӓт), -ет	-ат, -ет	-ат, -ет	-ат, -ет	-ат, -ет	-ат, -ет
PRS.3SG	-еш, -а (-ӓ)	-еш, -а (-ӓ)	-еш, -а	-еш, -а	-еш, -а	-еш, -а	-еш, -а
PRS.1PL	-ына (-ӓнӓ), -енӓ	-ына (-ӓнӓ, -ӓна, -ӓнӓ), -енӓ	-ына (-ӓна), -ена	-ына (-ӓна), -ена	-ына (-ӓна), -ена	-ына, -ена	-ына, -ена
PRS.2PL	-ыда (-ӓдӓ), -едӓ	-ыда (-ӓдӓ, -ӓда, -ӓдӓ), -едӓ	-ыда (-ӓда), -еда	-ыда (-ӓда), -еда	-ыда (-ӓда), -еда	-ыда, -еда	-ыда, -еда
PRS.3PL	-ыт (-ӓт), -ат (-ӓт)	-ыт (-ӓт, -ӓт), -ат (-ӓт)	-ыт (-ӓт), -ат	-ыт (-ӓт), -ат	-ыт (-ӓт), -ат	-ыт, -ат	-ыт, -ат
I-е прошедшее время							
1PST.1SG	-ым (-ӓм), -ышым (-ӓшӓм)	-ым (-ӓм, -ӓм, -ӓм), -ышым (-ӓшӓм, -ӓшӓм, -ӓшӓм)	-ым (-ӓм), -ышым (-ӓшӓм, -ӓшӓм)	-ым (-ӓм), -ышым (-ӓшӓм, -ӓшӓм)	-ым (-ӓм), -ышым (-ӓшӓм)	-ым, -ышым	-ым, -ышым
1PST.2SG	-ыц (-ӓц), -ышыц (-ӓшыӓц)	-ыц (-ӓц, -ӓц, -ӓц), -ышыц (-ӓшыӓц, -ӓшыӓц, -ӓшыӓц)	-ыц (-ӓц), -ышыц (-ӓшӓц)	-ыц (-ӓц), -ышыц (-ӓшӓц)	-ыц (-ӓц), -ышыц (-ӓшӓц)	-ыц, -ышыц	-ыц, -ышыц
1PST.3SG	-ы (-ӓ), -ыш (-ӓш)	-ы (-ӓ, -ӓ), -ыш (-ӓш, -ӓш, -ӓш)	-е (-о, -ӓ), -ыш (-ӓш)	-е (-о, -ӓ), -ыш (-ӓш)	-е (-о, -ӓ), -ыш (-ӓш)	-е (-о, -ӓ), -ыш	-е (-о, -ӓ), -ыш
1PST.1PL	-на (-нӓ), -ышна (-ӓшнӓ)	-на (-нӓ), -ышна (-ӓшнӓ, -ӓшна, -ӓшнӓ)	-на, -ышна (-ӓшна)	-на, -ышна (-ӓшна)	-на, -ышна (-ӓшна)	-на, -ышна	-на, -ышна
1PST.2PL	-да (-дӓ), -ышда (-ӓшдӓ)	-та (-тӓ), -ышта (-ӓштӓ, -ӓшда, -ӓшдӓ)	-да, -ышда (-ӓшда)	-да, -ышда (-ӓшда)	-да, -ышта (-ӓшда)	-да, -ышда	-да, -ышда
1PST.3PL	-евӓ -евӓ	-евӓ	-еве	-еве	-еве	-ыц, -ышт	-ыц, -ышт

Таблица 1. Изъявительное наклонение (продолжение)

	мар. Г (литер. Г, диал.)	мар. СЗ	2-е прошедшее время		литер. (морк.-серн.)
			йошк.	луговое наречие волж.	
2PST.1SG	-ынам (-ӱнӱм)	-ынлам	-ынам (-ӱнам),	-ынам (-ӱнам),	-ынам, -енам
	п. Кузьмино -ын ылам	(-ӱнлам, -ӱнлам, -ӱнлам), -енлам	-енам	-енам	
2PST.2SG	-ынат (-ӱнӱт), -енӱт	-ынлат	-ынат (-ӱнат),	-ынат (-ӱнат),	-ынат, -енат
	п. Кузьмино -ын ылат	(-ӱнлат, -ӱнлат, -ӱнлат), -енлат	-енат	-енат	
2PST.3SG	-ын (-ӱн), -ен	-ын (-ӱн, -ӱн, -ӱн), -ен	-ын (-ӱн), -ен	-ын (-ӱн), -ен	-ын, -ен
	п. Кузьмино -ын (-ӱн) ылеш				
2PST.1PL	-ынна (-ӱннӱ), -еннӱ	-ынӱлна	-ынна (-ӱнна),	-ынна (-ӱнна), -енна	-ынна, -енна -ын ул(ы)на, -ен ул(ы)на
	п. Кузьмино -ын ылына, -ынына д. Мороскино -ыннан	(-ӱнӱлна, -ӱнӱлна, -ӱнӱлна), -енӱлна	-енна	-ын (-ӱн) ӱлӱна, -ен ӱлӱна	
2PST.2PL	-ында (-ӱндӱ), -ендӱ	-ынӱлда	-ында (-ӱнда),	-ында (-ӱнда), -енда	-ында, -енда -ын ул(ы)да, -ен ул(ы)да
	п. Кузьмино -ын (-ӱн) ылыда, -ен ылыда	(-ӱнӱлда, -ӱнӱлда), -енӱлда	-енда	-ын (-ӱн) ӱлӱда, -ен ӱлӱда	
2PST.3PL	-ыныт (-ӱнӱт), -еныт	-ынлӱт	-ыныт (-ӱнӱт),	-ыныт (-ӱнӱт), -еныт	-ыныт, -еныт -ын ул(ы)да, -ен ул(ы)да
	п. Кузьмино -ын (-ӱн) ылыт, -ен ылыт	(-ӱнлӱт, -ӱнлӱт, -ӱнлӱт), -енлӱт	-еныт	-ын (-ӱн) -ен ӱлӱт	

Таблица 2. Отрицательные формы (продолжение)

мар. Г (литер. Г, диал.)		мар. СЗ	2-е прошедшее время		люговое наречие волж.	литер. (морк.-серн.)
				йошк.		
NEG.2PST.1SG	-дела́м	-ын (-й́н, -й́н, -й́н) амыл,	-ынам (-й́н) отгыл,	-ынам (-й́н) отгыл,	-ын (-й́н) омыл,	серн. -ынам отгыл, -енам отгыл
	левобе́р.1	-ен амыл	-енам отгыл	-енат отгыл	-ен омыл	
	-ына́м (-й́на́м) агыл,					
	-е́на́м агыл					
NEG.2PST.2SG	левобе́р.2					серн. -ынат отгыл, -енат отгыл
	-ын (-й́н) амыл,					
	-е́н амыл					
NEG.2PST.3SG	-делат	-ын (-й́н, -й́н, -й́н) атыл,	-ынат (-й́нат) отгыл,	-ынат (-й́н) отгыл,	-ын (-й́н) отгыл,	серн. -ынат отгыл, -енат отгыл
	левобе́р.1	-ен атыл	-енат отгыл	-енат отгыл	-ен отгыл	
	-ына́т (-й́на́т) агыл,					
	-е́на́т агыл					
NEG.2PST.1PL	левобе́р.2 = СЗ					серн. -ынат отгыл, -енат отгыл
	-де	-ын (-й́н, -й́н, -й́н) агыл,	-ын (-й́н) отгыл,	-ын (-й́н) отгыл,	-ын отгыл	
	левобе́р.1,2 = СЗ	-ен агыл	-ен отгыл	-ен отгыл	-ен отгыл	
	-делна	-ын (-й́н, -й́н, -й́н) анал,	-ынна (-й́нна) отгыл,	-ын (-й́н) онал,	-ын отгыл онал (онал),	
NEG.2PST.2PL	левобе́р.1	-ен анал	-енна отгыл	-ен онал,	-ен отгыл онал (онал)	серн. -ынат отгыл, -енат отгыл
	-ынна (-й́нна) агыл,			-ын (-й́н) огына ўл	-ен отгыл онал (онал)	
	-енна́ агыл			-ен огына ўл		
	левобе́р.2 = СЗ					
NEG.2PST.3PL	-делда	-ын (-й́н, -й́н, -й́н) адал,	-ында (-й́нда) отгыл,	-ын (-й́н) одал,	-ын отгыл адал (адал),	серн. -ынат отгыл, -енат отгыл
	левобе́р.1	-ен адал	-енда отгыл	-ен одал,	-ен отгыл адал (адал)	
	-ында (-й́нда) агыл,			-ын (-й́н) огыда ўл,	-ын отгыл адал (адал)	
	-е́нда́ агыл			-ен огыда ўл		
NEG.2PST.3PL	левобе́р.2 = СЗ					серн. -ынат отгыл, -енат отгыл
	-делы́т	-ын (-й́н, -й́н, -й́н) аге́ты́л	-ын (-й́н) отгылеп	-ын (-й́н) отгылеп,	-ын отгытыл,	
	левобе́р.1	(аве́ты́л, аге́пы́л),	-ен отгылеп	-ен отгылеп	-ен отгытыл	
	-ыны́т (-й́ны́т) агыл,	-ен аге́ты́л				
NEG.2PST.3PL	левобе́р.2	(аве́ты́л, аге́пы́л)				серн. -ынат отгыл, -енат отгыл
	-ын (-й́н) агылеп,					
	-е́н агылеп					

Таблица 3. Повелительное наклонение

	мар. Г (литер. Г, диал.)	мар. СЗ	йошк.	луговое наречие волж.	литер. (морк.-серн.)
IMP.2SG	X	X	X	X	X
IMP.3SG	-жы (-жЫ́, -шы -шЫ́), -ыжы (-Ы́жЫ́)	-жо (-жО́, -жы, -жЫ́, шо, -шО́, -шы, -шЫ́), -ыжы (-Ы́жЫ́, -ыжо, Ы́жО́, -Ў́жо, -Ў́жО́, -Ў́жЫ́)	-ше (-шо, -шО́, -же, -жО́), -ыже (-ыжо, -ыжО́, -Ў́жо)	-жан сидельн. -ыже (-Ў́жо)	-ше (-шо, -шО́, -же, -жО́), -ыже (-ыжо, -ыжО́) серн. конечный -ы
IMP.2PL	-да (-дА́, -та, -тА́), -ыда (-Ы́дА́)	-да (-дА́, -та, -тА́), -ыда (-Ы́дА́, -Ў́да, -Ў́дА́)	-да (-та), -ыда (-Ў́да)	(соврем. -са (-за), -ыза)	-са (-за), -ыза
IMP.3PL	-ышты (-Ы́штЫ́), -шты (-штЫ́)	-ыш(т) (-Ы́ш(т), -Ў́шт, -Ў́шт)	-ышт (-Ў́шт) -евышт	-ыштан (-Ў́штан) -ыштеп (Ў́штеп) -ыштеве (Ў́штеве)	-ышт
NEG.IMP.2SG	ит X	ит X	ит X	ит X	ит X
NEG.IMP.3SG	Ы́нжЫ́ X	Ы́нжЫ́ж X	Ы́нжЫ́ж X	Ы́нже X сидельн. Ы́нче X	Ы́нже X серн. ыныж X
NEG.IMP.2PL	ида́ X	ида́ X	ида́ X	ида́ X	ида́ X
NEG.IMP.3PL	Ы́нжЫ́штЫ́ X-еп	Ы́нжЫ́ж X	Ы́нжЫ́шт X	Ы́нже X-еп сидельн. ы́нче X-еп	Ы́нжЫ́шт X

наміёве ‘приносить-1PST.3PL’, олёве ‘говорить-1PST.3PL’, оньжоктэве ‘показывать-1PST.3PL’, пагалэве ‘уважать-1PST.3PL’, пуртэве ‘пускать-1PST.3PL’, пуэве ‘давать-1PST.3PL’, собкалэве ‘бить по щекам-1PST.3PL’, тыниктэве (тыниктэве) ‘учить-1PST.3PL’, ужалэве ‘продавать-1PST.3PL’, шогалдэве ‘ставить-1PST.3PL’, шошкюлёве ‘закалывать-1PST.3PL’, ёлёве ‘быть-1PST.3PL’, юмолдэве ‘молиться-1PST.3PL’ и т. д.

Б. Отрицательные глаголы настоящего-будущего времени (NEG.PRS.3PL) образованы по модели {отрицат. частица *ok* + основа глагола с окончанием *-er*}, как в волж. и йошк. говорах (~ мар. Г *ak X-er*), вместо литер. (морк.-серн.) модели {отрицательное слово *оуѣт* + основа глагола (+ для глаголов 2 спр. гласный *o*, *ö* или *e* в соответствии с гармонией гласных)}, например: *о́къ каласэ́бь* ‘не говорят’ ~ литер. *о́гьт каласе*, *о́къ коштэ́бь* ‘не ходят’ ~ литер. *о́гьт кошт*, *о́къ налэ́бь* ‘не берут’ ~ литер. *о́гьт нал*, *о́къ кучэ́бь* ‘не держат’ ~ литер. *о́гьт кучо*, *о́къ пагалэ́бь* (*жаплэ́бь*) ‘не уважают’ ~ литер. *о́гьт пагале* (*жапле*) и т. д.

В. Отрицательные глаголы (NEG.1PST.3PL) образованы по модели {отрицат. частица *ѣш* + основа глагола с окончанием *-er*}, как в волж. говоре (~ мар. Г *ѣш X-er*, левобереж. *ѣш X-er*, ~ йошк. *ѣш X-er*), вместо литер. (морк.-серн.) модели {отрицат. частица *ѣшт* + основа глагола (+ для глаголов 2 спр. гласный *o*, *ö* или *e*)}, например: *ѣ́жъ кертэ́бь*, *ѣ́жъ кэтэ́бь* ‘не могли’ ~ литер. *ѣшт керт*, *ѣ́жъ инянэ́бь* ‘не верили’ ~ литер. *ѣшт инане*, *ѣ́жъ кочкэ́бь* ‘не ели’ ~ литер. *ѣшт коч*, *ѣ́жъ кумалэ́бь* ‘не молились’ ~ литер. *ѣшт кумал*, *ѣ́жъ палэ́бь* ‘не знали’ ~ литер. *ѣшт пале*, *ѣ́жъ чарнэ́бь* ‘не перестали’ ~ литер. *ѣшт чарне*, *ѣ́жъ иштэ́бь* ‘не делали’ ~ литер. *ѣшт ѣште*, *ѣ́жъ судитлэ́бь* ‘не судили’ ~ литер. *ѣшт судитле*.

Но в двух случаях в памятнике дается двоякое написание этой глагольной формы: в основном тексте — представленное здесь диалектное, а в скобках — соответствующее современной литературной норме (морк.-серн.), но не первому (очевидному), а второму (неочевидному) прошедшему времени: *ѣ́жъ инянэ́бь* (*инянэ́нь о́гутуль*) ‘не верили’ ~ литер. *ѣшт инане* ‘верить-NEG.1PST.3PL’, *инанен о́гьтыл* ‘верить-NEG.2PST.3PL’; *ѣ́жъ иштэ́бь* (*лыштэ́нь о́гутуль*) ‘не делали’ ~ литер. *ѣшт ѣште* ‘делать-NEG.1PST.3PL’, *ѣштен о́гьтыл* ‘делать-NEG.2PST.3PL’.

Аффикс *-er* как показатель мн. ч. присутствует и в следующих глагольных формах.

Г. Глаголы повелительного наклонения (NEG.IMP.3PL) образованы в памятнике по модели {отрицат. частица *ѣнѣшт* + основа глагола с окончанием *-er*}, которая лишь частично соответствует и волжскому говору, и литер. норме (морк.-серн.), и горному наречию. Ср.:

— литер. {отрицат. частица *ѣнѣшт* + основа глагола (+ для глаголов 2 спр. гласный *o*, *ö* или *e*)},

— волж. {*ѣнѣ* + основа глагола с окончанием *-er*},

— мар. Г {*ѣнѣштэ* + основа глагола с окончанием *-er*}.

Т. е. окончание *-er* в этой форме в памятнике соответствует волжскому и горному диалектам, а отрицательная частица — литер. норме (морк.-серн.), например: *ѣ́нежть пуштэ́бь* ‘чтобы они не убили’ ~ литер. *ѣнышт пушт*, *ѣ́нэжть мондэ́бь* ‘чтобы они не забыли’ ~ литер. *ѣнышт мондо*, *ѣ́нэжть лё́бь* ‘чтобы не были’ ~ литер. *ѣнышт лий*, *ѣ́нэжть шóлоштэ́бь* ~ литер. *ѣнышт шóлышт*, *ѣ́нэжть шочэ́бь* ‘чтобы не рождались’ ~ литер. *ѣнышт шоч*, *ѣ́нэжть иштэ́бь* ‘чтобы они не делали’ ~ литер. *ѣнышт ѣште* и т. д.

Д. Глаголы второго прошедшего (неочевидного) времени (NEG.2PST.3PL) образованы по модели {деепричастие на *-n* + отриц. частица *отолер* / *оуолер*}, как в волжском и йошкар-олинском говорах [Лаврентьев 1966: 281; Иванов 1981: 40] вместо литер. (морк.-серн.) {деепричастие + отриц. частица *оуѣтѣл*}, например: *мунъ отолэ́бь* ‘не находили’ ~ литер. *мун о́гьтыл*, *инянэ́нь отолэ́бь* ‘не верили’ ~ литер. *инанен о́гьтыл*, *кертэ́нь отолэ́бь* ‘не могли’ ~ литер. *кертын о́гьтыл*, *ѣ́нглэ́нь отолэ́бь* ‘не поняли’ ~ литер. *умылен о́гьтыл*, *кумалэ́нь о́голэ́бь* ‘не молились’ ~ литер. *кумалын о́гьтыл*, *коштэ́нь о́голэ́бь* ‘не послушались’ ~ литер. *колыштын о́гьтыл* и т. д.²⁹ (Диалектное распространение фонетического варианта отрицательного слова *otâler* (вместо *ouâler*) требует дополнительного исследования.)

Е. Глаголы повелительного наклонения 3 лица (IMP.3PL) встречаются в памятнике в основном в составе сложноподчиненных предложений и образуются по модели {основа глагола + *-ѣшт*}, что соответствует литературной норме и морк.-серн. говору, например: *палэ́жть* ‘чтобы они знали’ ~ литер. *палышт*, *пагалэ́жть* ‘чтобы они почитали’ ~ литер. *пагалышт*, *инянэ́жть* ‘чтобы они верили’ ~ литер. *инанышт*, *воньжэ́нь кáэжть* ‘чтобы они перешли’ ~ литер. *вончен кайышт* и т. д. (В мар. Г соответствующая модель — {основа глагола + *-ѣшт* / *ѣштэ*}). Однако в одном случае в памятнике форма IMP.3PL имеет вид *кочкэ́вежть* ‘чтобы они ели’ ~ литер. *кочкышт* ~ мар. Г *качкышты*), т. е. представлена модель {основа

²⁹ Соответствия грамматической форме, встречающейся в памятнике (с отрицательным словом *оуѣлер*), есть и в подговорах горного наречия, но с фонетическим вариантом отрицательного слова *ауѣлер* (п. Тойдаково, Килемары, Памъял, Кузьмино, Шудугуж, Нальмучаш) [Саваткова 2002: 203]: модель {деепричастие + *ауѣлер*}. При этом в литературном горномарийском модель другая {основа глагола (+ гласный для 2 спр.) + *-telât* / *-delât*}.

глагола + *-eβāšt*}. Образование глаголов IMP.3PL по этой специфической модели отмечено лишь в некоторых деревнях йошкар-олинского говора [Галкин 1964: 118]. Формант *-eβāšt* представляет собой комбинацию *-eβe* и *-āšt*, зеркальным соответствием которой являются более употребительные в диалектах форманты *-āšteβe* и *-āštep*. По модели {основа глагола + *-āšteβe*} форма IMP.3PL образуется в подговорах волжского говора (сотн. и др.); по модели {основа глагола + *-āštep*} — также в подговорах волжского говора³⁰, а также в тоншаевском говоре северо-западного наречия (в последнем есть еще переднеязычный фонетический вариант *-āštep*). Ср. мар. СЗ тонш., волж. *толыштен* ‘пусть они придут’, *кондыштен* ‘пусть они принесут’ ~ волж. *толыштеве*, *кондыштеве* ~ мар. Л йошк. (в подговоре) *толевыштит*, *кондевыштит*. В памятнике соответственно *кочкёвежт* ‘чтобы они ели’ (но это единственный пример).

Значимой для атрибуции диалектной основы памятника является также следующая форма.

Ж. Форма глаголов повелительного наклонения 2 лица (IMP.2PL). В памятнике она образуется двояко: посредством суффикса *-za* (как в литературной норме и в морк.-серн. говоре, где суффикс IMP.2PL — *-sa* / *-za*) или посредством суффикса *-da* (как в горном, северо-западном наречии, в волжском и йошкар-олинском говорах лугового наречия, где суффикс IMP.2PL — *-ta* / *-da*). Примеры: *колиштэда* ‘слушайте’ ~ литер. *колыштыса*, мар. Г *колыштыда*; *кóчыда* ‘ешьте’ ~ литер. *кочса*, мар. Г *качда*; *на́лда* ‘берите (возьмите)’ ~ литер. *налза*, мар. Г *на́лдä*; *тыня́лэда* ‘начинайте’ ~ литер. *түналза*, мар. Г *ты́нгäлдä*; *пага́лэда* ‘почитайте’ ~ литер. *пагалыза*; но *ю́молдэза* ‘молитесь’ ~ литер. *юмылтыза*, мар. Г *йымыдылда*; *ку́далдэза* ‘оставьте’ ~ литер. *кудалтыза*, мар. Г *кымалда*; *о́ли́за* ‘говорите’ ~ литер. *ойлыза*; *иня́нэза* ‘верьте’ ~ литер. *инаныза*, мар. Г *ё́ня́нйäдä* (*ё́ня́нйäдä*); *д́ю́иза* ‘пейте’ ~ литер. *йү́за*, мар. Г *йү́дä*. Интересно, что практически все примеры на *-da* здесь — это глаголы с основой на согласный (1 спр.), а все примеры на *-za* — глаголы с основой на гласный (2 спр. и глагол *йүаш* ‘пить’ 1 спр., но с основой на гласный). Исключение составляет глагол *пагалаш* ‘уважать’ (2 спр.) с формой на *-da* в памятнике³¹.

Еще одна особенность глаголов в памятнике, указывающая на волжский или йошкар-олинский говор:

З. В отрицательной форме настоящего времени 3 л. ед. числа (NEG.PRS.3SG) в памятнике, в волжском и в йошкар-олинском говорах используется только краткая форма отрицательного слова — *ok*, тогда как в других говорах и в литературной норме (морк.-серн.) распространен еще вариант *оуе́ш* (например, в памятнике *о́кь ужь* ‘не видит’ ~ литер. *ок уж*, *оге́ш уж*). Полная форма (*оуе́ш*) в волжском говоре не используется. Только краткая форма этой отрицательной частицы характерна и для горномарийского наречия (например, *ак уж* ‘не видит’). В северо-западном наречии употребительны и краткая, и полная форма (*ak* и *ауе́ш*).

Характерно для исследуемого памятника и встречающееся в луговом наречии (в том числе в современном волжском говоре) оформление глаголов второго прошедшего времени мн. числа (2PST.3PL) в сложной форме, которую можно обозначить как устаревшую и вместе с тем этимологически изначальную: {(дее)причастие на *-n* + спрягаемая форма настояще-будущего времени глагола *улаш* ‘быть’}, например: *шыдышкёнъ у́лутъ* ‘негодовали’ ~ литер. *шыдешкеныт*, *илижёнъ у́лутъ* ‘ожили’ ~ литер. *ылыжыныт*, *шóчонъ у́лутъ* ‘родились’ ~ литер. *шочыныт*, *на́мёнъ у́лутъ* ‘приносили’ ~ литер. *наминеныт*, *кóчконъ у́лутъ* ‘вкусали’ ~ литер. *кочкыныт* и т. п. Современная литературная форма этих глаголов образовалась за счет стяжения двух слов с выпадением слога; в памятнике она не встречается.

Итак, все представленные выше формы глаголов множественного числа находят соответствия в волжском говоре, а в большинстве случаев — и в йошкар-олинском, т. е. в обоих западных говорах лугового наречия. Им соответствует практически в равной мере и морфология глаголов в северо-западном и горном наречиях марийского языка (но глагольные суффиксы в северо-западном и горном наречиях представлены в несколько иных фонетических вариантах).

³⁰ В основной части волжского говора к элементу *-āšt* добавляется *-an* (а не *-ep*), т. е. в глаголах IMP.3PL к основе глагола добавляется элемент *-āštan* [Лаврентьев 1966: 302—303].

³¹ Подобная корреляция между спряжением глагола (1 спр. / 2 спр.) и выбором модели его спряжения во мн. ч. (западная / восточная) наблюдается и в другом памятнике марийской письменности — в «Краткой священной истории Ветхого и Нового завета» [КСИ 1873]. По итогам анализа первых 15 страниц памятника, в нем в 1-м прошедшем времени глаголы 1 спряжения систематически имеют окончание *-ебэ*, например: *түна́лебэ* и *туна́лебэ* ‘начали’, *шогале́бэ* ‘встали’, *кумале́бэ* ‘молились’, *на́лебэ* ‘взяли’, *шүшкы́лебэ* ‘закололи’, *то́лебэ* ‘пришли’, *мае́бэ* ‘сказали’ (западная модель), а глаголы 2 спряжения — окончание *-ыштит*, например: *ончы́ктыштит* ‘показали’, *ка́ласит* ‘сказали’, *кудалты́штит* ‘бросили’, *амы́ртыжт* ‘испачкали’ (восточная модель). Но в форме IMP.2PL в [КСИ 1873] все глаголы вне зависимости от спряжения заканчиваются на *-да*: *кочда* ‘ешьте’, *коли́да* ‘слушайте(сь)’, *кайда* ‘идите’, *кондо́да* ‘принесите’ (западная модель).

Рассмотренный памятник марийской письменности лугового наречия — далеко не единственный в литературе XIX в., созданный на основе говоров с глагольной морфологией западного типа (т. е. близкой к системе морфологии глаголов в западных наречиях). Аналогичные особенности в разной степени отмечаются и в других старомарийских изданиях, например [УСОЧ 1870; КСИ 1873]. Современная же лугово-восточная литературная норма основана на говорах с другой (восточной) глагольной морфологией в формах множественного числа (система моркинско-сернурского говора и восточного наречия). Таким образом, по сравнению со старомарийской литературой XIX в. современные литературные нормы горномарийского и лугово-восточного марийского различаются сильнее (во всяком случае, по рассмотренному параметру — морфологии глагола).

Если морфология глагола в памятнике указывает на волжский и йошкар-олинский говоры, то морфология в сочетании с фонетикой (соответствие аффрикат) — только на волжский (только *ц* (*с*) в йошкар-олинском говоре ~ только *ч* (*щ*) в волжском ~ только *ч* в памятнике). В пользу волжского говора против йошкар-олинского свидетельствует, кроме того, форма NEG.IMP.3PL (в волжском говоре к основе глагола добавляется окончание *-en*, в памятнике — *-ебь*, тогда как в йошкар-олинском говоре такого окончания нет), а также вид деепричастий предшествующего действия. В памятнике зафиксированы деепричастия на *-мёкь* ~ волж., морк.-серн. и литер. *-мек(е)* ~ йошк. *-мўнгö* [Иванов 1981: 41] ~ серн. *-менге* [Галкин 1964: 171], например: *кочкэмёкь* и *кочкемёкь* 'поев', *шиньжемёкь* 'узнав', *чарнемёкь* 'прекратив', *шочемёкь* 'родившись', *лимёкь* 'став', *лишемёкь* 'приблизившись', *шитэмёкь* 'сделав', *пиóртолмёкь* 'вернувшись', *шонэмёкь* 'подумав'³².

В таблице 4 сведены данные по наиболее диагностически важным формам глаголов в памятнике в сопоставлении с говорами лугового наречия, северо-западным и горным наречиями³³.

Итак, глагольные формы в рассматриваемом памятнике (их морфология в сочетании с фонетикой) соответствуют волжскому говору лугового наречия. Некоторые отличия от волжского говора (современных данных о нем) наблюдаются лишь в формах повелительного наклонения (3PL). С осторожностью можно увидеть в этом указание на инновации в развитии волжского говора за время между созданием памятника (1839 г.) и описанием говора в XX в.: *-ышит* > *-ыштан* (IMP.3PL)³⁴; *ынышит* X-*en* > *ынже* X-*en* (NEG.IMP.3PL).

Носителями волжского говора является этнографическая группа *ончыл мари* 'передние мари (т. е. живущие ближе к Казани)', также называемые *шарпан-нашмак мари* (по типу женского головного убора, включающего длинное головное полотенце и начелыш³⁵), — жители южных районов Республики Марий Эл, граничащих с Татарстаном и Чувашией: Волжского, Звениговского, юго-западной части Моркинского (в прошлом административно относились к Чебоксарскому, Царевококшайскому и Казанскому уездам Казанской губернии)³⁶. Волжский говор наиболее подробно описан в диссертации Гурия Ивановича Лаврентьева [Лаврентьев 1966], но в дальнейшем систематически не изучался. Отдельного словаря волжского говора также до сих пор нет³⁷. Его отсутствие в определенной мере восполняет диалектологический марийский словарь Э. Беке [Beke 1997—2001], среди информантов которого были три уроженца деревень в ареале говора — Григорий Николаев из д. Большие Маламасы (Кугу Моламас), Кузьма Кириллов из с. Исменцы (Нурсола) и Игнатий Никитин из д. Кукшнур (Кўкшнур) [Beke 1957: XIX].

Возвращаясь к вопросу об авторстве перевода, заметим, что один из его предполагаемых авторов, священник П. Вишневецкий (Вишневский), жил именно в ареале волжского говора (с. Параты нынешнего Волжского р-на Республики Марий Эл).

³² Ср. в первых марийских букварях лугового наречия: в первой редакции (1870 г.) в деепричастиях используется формант *-меке*, во второй редакции (1873 г.) — *-мōнгö*.

³³ По сравнению с предыдущими таблицами данные по говорам и подговорам даны здесь с некоторыми сокращениями (не приводятся формы, далекие от памятника, и менее подробно представлена фонетика).

³⁴ *-ан* является здесь модально-волевой частицей, которая «срослась» с показателем императива [Лаврентьев 1966: 305—306].

³⁵ Начелыш, начелок — элемент женского головного убора: налобное украшение в виде полоски ткани с нашитыми бусинками и вышивкой.

³⁶ Аналогичен тип традиционного головного убора и у горных мари.

³⁷ Небольшой аудиословарь волжского говора лугового наречия марийского языка (110 слов по списку Сводеша) был составлен по нашим диалектологическим материалам 2015 г. (информанты из с. Эмеково и д. Полевая (Обшияры, Упшер) Волжского р-на Республики Марий Эл). Этот словарь опубликован на сайте Lingvodoc.ru [Норманская, Ключева 2015].

Таблица 4. Диагностические глагольные формы в памятнике в сопоставлении с диалектными данными

	мар. Г (литер., диал.)	мар. СЗ	«Начатки» 1839/1841 г.	луговое наречие		
				йошк.	волж.	литер. (морк.-серн.)
1PST.3PL	-евйй	-евйй	-еве, -эве	-еве	-еве	-ыч, -ышт
NEG.PRS.3SG	ак X	ак (агеш) X	окъ X	ок (огеш) X	ок X	ок (огеш) X
NEG.PRS.3PL	ак X-еп	авет (агеш, агеп) X	окъ X-эбь, окъ X-ебь	ок X-еп	ок X-еп	огыг X
NEG.1PST.3PL	йш X-еп левобереж шйш X-еп	шйвет (шйгет, шыгеп) X	йжъ X-эбь, йжъ X-ебь	шыш X-еп	ыш X-еп	ышт X серн. шышт X
NEG.2PST.3PL	-делыт	-ын (-йн) агетйыл (аветйыл, агепйыл)	-(э)нь отолэбь,	-ын огылеп	-ын огылеп,	-ын огытыл,
	левобер.2		-энь отолэбь,	-ен огылеп	-ен огылеп	-ен огытыл
	-ын (-йн) агылеп, -ен агылеп	-ен агетйыл (аветйыл, агепйыл)	-энь отолэбь			
1MP.2PL	-да (-дә, -та, -тә), -ыда (-йдә)	-да (-дә, -та, -тә), -ыда (-йдә)	-да (1 спр.) -за (2 спр.)	-да (-та), -ыда	-да (-та), -ыда (соврем. -са (-за), -ыза)	-са (-за), -ыза
1MP.3PL	-ышты (-йшты)	-ыш(т) (-йш(т)) тонш. -ыштеп	-эжтъ (-ёвежтъ)	-ышт -евышт	-ыштан сидельн., сотн. и др. -ыштеп сотн. и др. -ыштеве	-ышт
NEG.1MP.3PL	йнжйшты X-еп	йнцйж X	йнежтъ (йнэжтъ) X-эбь (X-ебь)	ынцышт X	ынже X-еп сидельн. ынце X-еп	ынышт X
CVB.PST	-мыкы -мыйкы	-мункё	-мекъ	-мунтё	-мек(е)	-мек(е)

Сокращения

Глоссы

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо	OPT — желательное наклонение
1PST — первое прошедшее время (очевидное)	PL — множественное число
2PST — второе прошедшее время (неочевидное)	PRS — настоящее-будущее время
IMP — повелительное наклонение	SG — единственное число
NEG — отрицательная форма	

Общие

X — основа глагола (для 2-го спр. — основа + гласный -e, -o, -ö, -ы или -й в соответствии с гармонией гласных в конкретном диалекте)	ед. ч. — единственное число
	л. — лицо
	мн. ч. — множественное число
	спр. — спряжение

Языки и диалекты

волж. — волжский говор мар. Л
 йошк. — йошкар-олинский говор мар. Л
 левобереж. — левобережные говоры мар. Г (д. Памъял, Тойдаково, Килемары)
 левобер.1 — левобережные говоры мар. Г., п. Отары, Юксары, Кузьмино
 левобер.2 — левобережные говоры мар. Г., п. Тойдаково, Килемары, Памъял, Кузьмино, Шудугуж, Нальмуш
 литер. — литературный (лугово-восточная литературная норма)
 мар. — марийский
 мар. Г — горное наречие марийского языка
 мар. Л — луговое наречие марийского языка
 мар. СЗ — северо-западное наречие марийского языка
 морк. — моркинский подговор моркинско-сернурского говора мар. Л
 морк.-серн. — моркинско-сернурский говор мар. Л
 серн. — сернурский подговор лугового моркинско-сернурского говора мар. Л
 сидельн. — подговор с. Сидельниково Звениговского р-на РМЭ (волжский говор мар. Л)
 сотн. и др. — подговоры Сотнурского, Больше-Паратского, Петъяльского с/с волжского говора мар. Л
 тонш. — тоншаевский подговор мар. СЗ

Литература

- Галкин 1964 — *Галкин И. С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. I. Йошкар-Ола, 1964. {*Galkin I. S.* Historical grammar of the Mari language. Morphology. Part I. Yoshkar-Ola, 1964.}
- Грузов 1965 — *Грузов Л. П.* Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола, 1965. {*Gruzov L. P.* Phonetics of the Mari dialects in a historical view. Yoshkar-Ola, 1965.}
- Димитриев 1998 — *Димитриев В. Д.* Бичурин и Чувашия // Известия Национальной Академии наук и искусств Чувашской Республики. 1998, 1. С. 21—52. {*Dimitriev V. D.* Bichurin and Chuvashia // News of the National Academy of Sciences and Arts of the Chuvash Republic. 1998, 1. P. 21—52.}
- Дмитриев, Дмитриева, Тужаров 1995 — *Дмитриев С. Д., Дмитриева В. М., Тужаров Г. М.* Маре букварь. Икымшы класслан учебник (Марийский букварь: Учебник для первого класса. На северо-западном наречии марийского языка). Йошкар-Ола, 1995. (на марийском языке) {*Dmitriev S. D., Dmitrieva V. M., Tuzharov G. M.* Mari alphabet book: Textbook for the first grade. In the North-Western dialect of the Mari language. Yoshkar-Ola, 1995.}
- Ерошкин 2012 — *Ерошкин Ю. В.* Священник Павел Вишневецкий (1813—31.01./13.02.1869) // История Марийского края в лицах. XIV — начало XX веков. Йошкар-Ола, 2012. С. 162—164. {*Eroshkin Yu. V.* Priest Pavel Vishnevetsky (1813—31.01./13.02.1869) // History of the Mari Land in Persons. 14th — early 20th centuries. Yoshkar-Ola, 2012. P. 162—164.}
- Иванов 1975 — *Иванов И. Г.* История марийского литературного языка. Йошкар-Ола, 1975. {*Ivanov I. G.* History of the Mari literary language. Yoshkar-Ola, 1975.}
- Иванов 1981 — *Иванов И. Г.* Марий диалектологий. Университетсе студент-влаклан тунемме книга (Марийская диалектология. Учебник для студентов университета). Йошкар-Ола, 1981. (на марийском языке) {*Ivanov I. G.* Mari dialectology. A textbook for universities. Yoshkar-Ola, 1981.}

- Иванов, Тужаров 1970 — *Иванов И. С., Тужаров Г. М.* Северо-западное наречие марийского языка. Йошкар-Ола, 1970. {*Ivanov I. G., Tuzharov G. M.* North-Western dialect of the Mari language. Yoshkar-Ola, 1970.}
- Ильминский 1875 — *Ильминский Н. И.* О переводе православных христианских книг на инородческие языки: практические замечания Н. Ильминского. Казань, 1875. {*Ilminsky N. I.* On the translation of Orthodox Christian books into native languages: practical remarks by N. Ilminsky. Kazan, 1875.}
- Ильминский 2015 — Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н. И. Ильминского: сборник документов и материалов. Казань, 2015. {*Materials on the history of education and enlightenment of the peoples of the Volga-Ural region in the manuscript funds of N. I. Ilminsky: a collection of documents and materials.* Kazan, 2015.}
- Казанцев 1965 — *Казанцев Д. Е.* Фонетические особенности йошкар-олинского говора марийского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1965. {*Kazantsev D. E.* Phonetic features of the Yoshkar-Ola dialect of the Mari language. Summary of a PhD thesis. Tartu, 1965.}
- Ключева 2016 — *Ключева М. А.* Словарь по памятнику письменности «Начатки христианского учения» 1841 (2016) // <http://lingvodoc.ispras.ru/#/>, 2016. {*Klyucheva M. A.* Dictionary of “Beginning of the Christian doctrine”, 1841 // <http://lingvodoc.ispras.ru/#/>, 2016.}
- Ключева 2017а — *Ключева М. А.* О диалектной основе памятника марийской письменности «Начатки христианского учения или Краткая священная история и краткий катехизис, на черемисский язык лугового наречия переведенный в Казани 1839 года» // Филологические исследования — 2017. Фольклор, литературы и языки народов европейской части России: формы, модели, механизмы взаимодействия. Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции (9—13 октября 2017 г., Сыктывкар) / Отв. ред. *Ю. А. Крашенинникова*. Сыктывкар, 2017. С. 146—149. (Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН). {*Klyucheva M. A.* On the dialect basis of the monument of Mari writing “The Beginnings of Christian Doctrine or Concise Sacred History and a Concise Catechism, translated into the Cheremis language of the Meadow dialect in Kazan in 1839” // *Philological studies — 2017. Folklore, literature and languages of the peoples of the European part of Russia: forms, models, mechanisms of interaction. Collection of papers on the results of the All-Russian Scientific Conference (October 9—13, 2017, Syktyvkar)* / Ed. *Yu. A. Krashennnikov*. Syktyvkar, 2017. P. 146—149. (Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences).}
- Ключева 2017б — *Ключева М. А.* Первые марийские буквари (лугового наречия) 1870-х гг. Ч. 2. Особенности консонантизма // Урало-алтайские исследования. 2017, 4 (27). С. 113—137. {*Klyucheva M. A.* The first Mari alphabet books of the Meadow dialect (1870s): Part II. Features of Consonantism // *Ural-Altaic Studies*. 2017, 4 (27). P. 113—137.}
- Ключева 2020 — *Ключева М. А.* У истоков марийской музыкальной терминологии // *Linguistica Uralica*. 2020, 2 (56). С. 98—113. {*Klyucheva M. A.* At the Beginnings of Mari Musical Terminology // *Linguistica Uralica*. 2020, 2 (56). P. 98—113.}
- Ключева, Норманская 2015 — *Ключева М. А.* (при участии *Норманской Ю. В.*) Первые лугомарийские буквари 1870-х гг.: лингвистический обзор. Ч. 1. Введение. Гласные звуки и буквы для них // Урало-алтайские исследования. 2015, 3 (18). С. 18—63. {*Klyucheva M. A.* (with *Normanskaya Yu. V.*) The first Meadow Mari alphabet books (1870s): a linguistic review. Part I. Introduction. Vowels and letters for them // *Ural-Altaic Studies*. 2015, 4 (18). P. 18—63.}
- КСИ 1873 — Краткая священная история Ветхого и Нового завета (на черемисском языке). Вятка, 1873. {*A Concise Sacred History of the Old and New Testaments (in the Cheremis language).* Vyatka, 1873.}
- Кутасова 1995 — Из собрания книжных памятников. Вып. 1. Книги на марийском языке, изданные до революции 1917 г. / Сост. *В. Е. Кутасова*. Йошкар-Ола, 1995. {*From the collection of book monuments. Issue 1. Books in the Mari language, published before the revolution of 1917* / Comp. *V. E. Kutasova*. Yoshkar-Ola, 1995.}
- Лаврентьев 1966 — *Лаврентьев Г. И.* Волжский говор марийского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1966. {*Lavrentyev G. I.* Volga dialect of the Mari language. PhD thesis. Yoshkar-Ola, 1966.}
- МСГМЯ 2012 — *Л. И. Барцева, В. Н. Васильев, И. Г. Иванов, Л. С. Матросова, З. В. Учайев*. Моркинско-сернурской говор марийского языка. Йошкар-Ола, 2012. {*Bartseva L. I., Vasilyev V. N., Ivanov I. G., Matrosova L. S., Uchayev Z. V.* Morki-Sernur dialect of the Mari language. Yoshkar-Ola, 2012.}
- Начатки — Начатки христианского учения или краткая священная история и краткий катехизис, на черемисский язык лугового наречия переведенный в Казани 1839 года. Казань, 1841. {*The Beginnings of Christian Doctrine.* Kazan, 1841.}
- Норманская, Ключева 2015 — *Норманская Ю. В., Ключева М. А.* Словарь волжского диалекта марийского языка (2015) // <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/425/3/perspective/425/4/view>, 2015. {*Normanskaya Yu. V., Klyucheva M. A.* Dictionary of the Volga dialect of the Mari language (2015) // <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/425/3/perspective/425/4/view>, 2015.}
- Пекшеева, Федосеева 2020 — *Пекшеева Э. И., Федосеева Н. А.* Особенности перевода Четвероевангелия на марийском языке 1906 года издания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 8. С. 271—274. {*Peksheeva E. I., Fedoseeva N. A.* Peculiarities of 1906 Meadow Mari Translation of Gospels // *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2020. Vol. 13. No. 8. P. 271—274.}

Саваткова 2002 — *Саваткова А. А.* Горное наречие марийского языка. Сомбатхей, 2000. {*Savatkova A. A.* Hill dialect of the Mari language. Szombathely, 2000.}

Сергеев 1994 — *Сергеев О. А.* О рукописных грамматиках второй половины XIX века А. Канцеровского и А. Смирнова // Финно-угроведение. 1994, 1. С. 100—106. {*Sergeev O. A.* On the handwritten grammars of the second half of the 19th century by A. Kantserovsky and A. Smirnov // *Finno-Ugric Studies*. 1994, 1. P. 100—106.}

Сергеев 2016 — *Сергеев О. А.* Суффиксальный способ образования терминов в школьных переводных учебниках марийского языка 20—30-х гг. XX века (на материале отдельных книг) // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. / Мар. гос. ун-т; отв. ред. *Р. А. Кудрявцева*. Йошкар-Ола, 2016. С. 81—84. {*Sergeev O. A.* Suffix Method of Formation of Terms in School Translated Textbooks of the Mari Language of the 1920s and 1930s. 20th century (based on selected books) // *Problems of Mari and Comparative Philology: A collection of papers / Mari State University*; ed. *R. A. Kudryavtseva*. Yoshkar-Ola, 2016. P. 81—84.}

УСОЧ 1870 — Упрощенный способ обучения чтению черемисских детей лугового населения. Казань, 1870. {*A simplified method of teaching Cheremis children of the Meadow population to read. Kazan, 1870.*}

Учаев 1991 — *Учаев З. В.* Краткий грамматический очерк марийского языка // *Васильев В. М., Саваткова А. А., Учаев З. В.* Марийско-русский словарь — Марла-рушла мутер. Йошкар-Ола, 1991. С. 463—509. {*Uchaev Z. V.* A concise grammatical sketch of the Mari language // *Vasiliev V. M., Savatkova A. A., Uchaev Z. V.* The Mari-Russian Dictionary — Marla-Rusla Muter. Yoshkar-Ola, 1991. P. 463—509.}

Эман 1939 — *Эман С.* Дореволюционные письменные памятники на марийском языке // Труды МарНИИСК. Вып. 1. Козьмодемьянск, 1939. С. 42—62. {*Eman S.* Pre-revolutionary written monuments in the Mari language // *Papers of the MarNIISK*. Issue 1. Kozmodemyansk, 1939. P. 42—62.}

Эман 1940 — *Эман С.* Дореволюционные письменные памятники на марийском языке // Труды МарНИИСК. Вып. 2. Козьмодемьянск, 1940. С. 119—149. {*Eman S.* Pre-revolutionary written monuments in the Mari language // *Papers of the MarNIISK*. Issue 2. Kozmodemyansk, 1940. P. 119—149.}

Эрцикова 2020 — *Эрцикова Г. А.* Графико-орфографические особенности Евангелия 1821 года на марийском (горном) языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14. № 1. С. 6—13. {*Ertzikova G. A.* Graphical and spelling features of the Gospel of 1821 in the Hill Mari language // *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2020. Vol. 14. No. 1. P. 6—13.}

Beke 1997—2001 — *Beke Ö.* Mari nyelvjárásai szótár (= Tscheremissisches Wörterbuch). T. I—IX. Szombathely, 1997—2001.

Beke 1957 — *Beke Ö.* Mari szövegek (Tscheremissische texte). K. I. Budapest, 1957.